

— Танька, давай спать ложись. Надоела со своей учебой! — раздался недовольный и злой голос брата с разложенного кресла-кровати.

— Юра, кто хочет спать, тот спит. А кто не хочет, тому все мешает, — отмахнулась от него Татьяна, размышая над очередным абзацем диплома, который она сейчас писала. Пятый курс, все-таки... Над дипломом приходилось засиживаться допоздна. Но она понимала и брата. На самом деле злился он не из-за того, что горел свет, и стучали клавиши компьютера. Ему хотелось оставаться одному в темноте, чтобы «снять напряжение». Парню восемнадцать, все-таки, гормоны... Сегодня он вернулся со свидания со своей Катькой, как всегда раздраженный. Девчонка, на взгляд Татьяны, дура и стерва, полгода брату мозги крутит, кое-что позволяя, а все остальное никак, не задумываясь, что парень при этом чувствует. Поэтому, придя домой, Юра отправился сразу в ванную. Тонкая дверь почти не заглушала звуков, по характерному плеску воды, понятно было, что брат онанировал. Но одного раза ему всегда было мало. Вот сейчас и крутится на диване, в надежде, что сестра наконец-то ляжет спать и быстро заснет.

Да и кресло, хитрец, занял нарочно, надеясь чувство собственности в ней пробудить — чтобы она его прогнала, сама залегла. Обычно он на раскладушке спит. Так уж у них заведено, квартира такая.

Они с Юрай из деревни, учатся в городе. Родители в свое время подсуетились, кое-что продали, что-то заняли и купили квартиру, чтобы детям во время учебы не болтаться по общагам. Правда, квартира — студия, двадцать квадратов всей площади. Конечно, все, что надо есть, совмещенный санузел, микрокухня прямо в комнате. Вот и приходится Татьяне регулярно ночью слушать и «не замечать», как брат, сторожась ее, дрожит под одеялом...

Юра то парень не задохлик, высокий, уже на голову выше сестры, крепкий. После учебы умудряется подрабатывать грузчиком на базе неподалеку, добывая кое-какие деньги им с сестрой. Родители продукты передают, а с деньгами в деревне напряг... Но даже работа не глушит его желания. Бросит он свою Катьку, как до этого бросил другую, такую же дуру. Надоест ему приходить со свидания с раскалывающимися от боли яйцами. Точно бросит Катьку, к бабке не ходи.

— Танька, все! Надоело! Если сейчас спать не ляжешь, то встану и выключу все сам! Поняла?

— Только попробуй! По шее получишь, — привычно, как в детстве пригрозила она, и усмехнулась про себя. Пока он ее слушался, по привычке, но по шее ему уже не треснешь, здоровый больно.

— Танька! Посмотри на часы, полпервого. У меня завтра семинар по вышке первой парой, надо еще задачки списать, — отчаянно взмолился Юра. — Это на пятом курсе вам все автоматом ставят, а на втором приходится еще и что-то учить!

— Ладно, — вздохнула Татьяна, брата было жалко.

Она погасила лампу и встала из-за стола. Но ноутбук выключать не стала. Присела на диван, рядом с Юрай. Тот лежал на спине, и сквозь тонкое одеяло было видно, как набух у него член. Брат, недоумевая посмотрел на нее. Татьяна вздохнула, провела рукой по одеялу, гладя брата по груди, спустилась рукой ниже и накрыла бугрящийся член ладонью, почувствовав как он они, и брат и член, вздрогнули.

— Танька, ты чего? — хриплым голосом спросил Юра, делая попытку высвободиться, впрочем, без особого старания.

— Лежи смирно и все, — прошептала она, поглаживая его член кончиками пальцев, чувствуя, как тот становится больше, твердеет прямо на глазах и даже немного подрагивает.

— Танька, прекрати! — неуверенно попросил брат и хватая ее руку.

— Руки убери, и лежи спокойно. Слушайся старшую сестру, — оборвала его Татьяна, не прекращая ласок.

Где-то далеко мелькнула мысль, что она сильно пожалеет потом... Мелькнула и пропала.

Татьяна засунула руку под одеяло и нашупала резинку трусов. Скользнув ладонью под нее, накрыла горячий, дрожащий от нетерпения член. Принялась его медленно ласкать. Юра уже не сопротивлялся, лежал молча, глядя на сестру ошелевшими глазами, только дышал тяжело. Трусы и одеяло страшно мешались, Татьяна, вздохнув, откинула одеяло, и решительно сняла трусы с Юры, обнажая его напряженный член. Брат охнул. Замер, боясь пошевелиться. Еще ни разу сестра не видела его голым, да еще со вставшим членом.

А Татьяна с интересом рассматривала «хозяйство» брата, чувствуя внутри что-то непонятное. Парни у нее были, и члены она их видела, но то чужие. А тут брат, которого она знала с самых пеленок. Все еще прокручивая в уме свой поступок, Татьяна посмотрела на спящего брата.

Юра спал как в детстве, немного сопя, подсунув обе ладони под щеку. На полуоткрытых губах играла знакомая счастливая улыбка, как будто он получил долгожданный подарок.

На следующий день Юра задержался с возвращением до пол второго ночи, но не забыл позвонить, предупредить. Татьяна, немного волнуясь, ждала его, не ложась спать.

Юра ввалился в квартиру потный, пыльный, с торчащими во все стороны волосами. Неловко сунув сестре в руки пакет: это тебе, отправился прямиком в ванную. Она с любопытством заглянула вовнутрь. Пораженная достала три ярких коробочки с логотипом не самого дешевого бренда женского белья. Трусики! Стринги! И самое поразительное, ее размер!

Когда он, чистый, пахнущий мылом и шампунем, с мокрыми, наспех вытертыми волосами, вывалился из ванной, его встретил разогретый ужин и три коробочки, обвиняющей стопкой сложенные на столе.

— Что это значит? — со сталью в голосе спросила Татьяна. Она не на шутку разозлилась.

Юра втянул голову. Начал оправдываться:

— Танька, не сердись, пожалуйста. Просто я подколымял сегодня немного. В соседний склад под вечер пришла фура, и хозяин попросил нас помочь. Заплатил сразу. А я вспомнил, как ты недавно, гладила белье, пробормотала, что неплохо бы пару трусов купить. Вот я и зашел по дороге в «СуперБан». Он же круглосуточный... Да и деньги как бы левые. Мы же на них не рассчитывали.

— Допустим. А размер? Ты, что лазил в моем белье?

— Нет, нет, что ты! — Юра испуганно взглянул на разгневанную сестру и даже есть перестал.

— Ты же несколько раз при мне в магазине покупала. Я и запомнил... точнее вспомнил, когда выбирал.

— Так. Ладно, а почему стринги? — голос Татьяны немного потепел, но самую малость.

Юра окончательно стушевался, потупился.

— Ну... Ты мне нравишься в таких...

Татьяна удивленно покрутила головой. Стринги она носила только с некоторыми брючками, а в основном использовала танго.

— Значит, ты подглядывал за мной? Да? Признавайся! — но злость на брата потихоньку улетучивалась.

Брат молчал, опустив голову, ковыряя котлету вилкой. Татьяна посмотрела на несчастного, сраженного ее допросом Юру. Уже не злясь, подошла к нему, потрепала по волосам.

— Ладно. Проехали... Спасибо, братик. Действительно, спасибо, — добавила она, увидев недоверие в его глазах.

В три часа ночи, собираясь спать, Татьяна посмотрела на спящего на разобранном кресле брата. Она сама настояла, чтобы сегодня он лег там, все-таки столько трудился, должен хорошо отдохнуть. Юра тихонько посапывал, снова подсунув ладони под щеку, и казался таким беззащитным. Внезапно она почувствовала нежность к нему. Заботливый, заработал, трусики ей купил. До него, никто из мужчин никогда не дарил ей белья. А он, дурачок... Как будто она его любовница... Повинуясь внезапному порыву она нагнулась и благодарно чмокнула его в щеку. Юра смешно наморщил нос.

Сняв халатик, Татьяна потянулась за пижамой, ненароком снова глянув на Юру, и вдруг передумала одеваться. Осененная идеей мелькнувшей в голове, как была, обнаженная, подошла к дивану. В принципе, Юра заслужил маленькую награду, пусть он даже об этом и не узнает. Высвободив его правую руку, не боясь разбудить брата — он всегда крепко спал, Татьяна приложила шершавую мужскую ладонь к своей груди, провела, задевая мозолями сосок. Издалека накатило знакомое по-вчерашнему ощущение бесстыдства и разврата. Она снова провела Юриной ладонью по груди и вдруг, привстав, приложила ее к лобку, а потом... раздвигая ножки, ниже, к мгновенно потяжелевшим губкам, там между ног, накрывая их ладонью. Постояла, прижимая ладонь сильнее, наслаждаясь ощущениями, двинула его рукой, поглаживая свою щелку и посматривая на спокойное лицо брата сквозь ресницы. Вдруг рука Юры, до этого безвольная, шевельнулась, чуть сжимая ее уже влажные губки, и Татьяну потянули кперед. Она открыла глаза и встретила удивленный и, одновременно, счастливый взгляд брата.

— Тань! — выдохнул он, и прося и требуя одновременно.

— Молчи! — прошептала она и замерла.

Все еще не веря тому, что он видит и делает, Юра несмело погладил сестру по влажной щелке, сначала ладонью, потом, осмелев, пальцем, уверенно раздвигая нежные, ставшие такими чувствительными губки. Задержался ненадолго на клиторе, снова переместил пальцы к дырочке...

Волна возбуждения накрыла Татьяну. Почувствовав это, Юра рывком привлек ее к себе и ловко опрокинул на постель, укладывая рядом. Навис над своей обнаженной сестрой, впитывая взглядом все недоступные прежде места: аккуратную упругую грудь, живот, переходящий в соблазнительный треугольник лобка, белые бедра, и самое потаенное — ее чуть выпирающие вперед губки.

Перестав стесняться, он поцеловал грудь, нежно зажимая соски губами. «Кое-чему научился со своими девками», — легким уколом промелькнуло у Татьяны. Промелькнуло и исчезло, не до этого... Юра продолжал ласкать поцелуями ее тело, спускаясь все ниже и ниже. И вот уже его губы касаются чувствительных губок, а язык настойчиво раздвигает их, знакомясь с ними и целеустремленно нащупывая кнопку клитора. Татьяна ахнула, когда кончик языка достиг своей цели. Ее как током ударило. А брат продолжал ее ласкать языком, забираясь глубже и снова возвращаясь к клитору. Татьяна задрожала. Юра ускорил движения и теплая волна

оргазма накрыла ее. А Юра, не дав ей отдохнуть, схватив в охапку сильными руками, легко перевернул на живот, подсунув под него подушку. Татьяна и не думала сопротивляться, отдаваясь ему, наслаждаясь подзабытым уже ощущением власти мужчины над своим телом. Она почувствовала, как Юрин член, раздвигает ее мокрые губки, скользя вперед, к клитору. Ловко изогнувшись, Юра прижал член ладонь, и стал двигать им вперед назад, скользя по губкам, но не пытаясь войти туда. Некоторое время Татьяна наслаждалась необычной лаской снова возбуждаясь, но потом со сладким с ужасом вдруг поняла, что этого ей сейчас мало — она хочет большего...

Оттолкнул его руку, она сама прижала член к своим губкам и при очередном движении вперед умело направила его в дырочку. С размаху Юра погрузился в нее полностью, почти до самых яиц. Татьяна охнула, чувствуя, как брат заполнил ее всю. Юра испуганно замер, но замер буквально не мгновение. Он потянул член назад, и снова вперед, назад и вперед, с каждой секундой двигаясь все уверенней. Татьяне оставалось только наслаждаться, впитывая каждой клеточкой своей дырочки удовольствие, доставляемое братом.

Быстро нарастающее возбуждение, лишило Татьяну последних остатков разума. Осознание, что она отдается родному брату, странным образом дико усиливало возбуждение, унося ее в пропасть. Она стонала, не сдерживаясь и не стесняясь, показывая своему любовнику, как ей хорошо... А потом забилась под ним и, вскрикнув, окончательно проваливаясь в горячий омут. Последнее, что она почувствовала, как сперма брата обжигающими каплями брызжет на спину...

В ванную Татьяна пошла первой, не прикрываясь и не скрывая наготы, упиваясь своей развращенностью и приятно ощущая жадные взгляды Юры. После ванной, по привычке легла на кресле, забыв совсем, что сегодня уступила кресло брату. Легла, закрыв глаза, чувствуя легкость во всем теле. Юра управился быстро. На ощупь нашел раскладушку, лег, скрипнув пружинами. Татьяна открыла глаза и встретила любящий взгляд брата.

— Можно к тебе? — еле слышно прошептал он.

В ответ Татьяна молча откинула одеяло. Юра осторожно лег рядом, робко прикоснулся к ней, и вдруг рывком приподнялся и неожиданно поцеловал Татьяну. Горячие жадные губы коснулись ее, и она не смогла устоять, ответила ему благодарным поцелуем удовлетворенной женщины. Его рука скользнула под пижаму, нащупывая грудь, но Татьяна мягко отстранилась.

— Спи уже, ненасытный. Потерпи до утра...

Юра послушно лег на спину и уже уверенно привлек ее к себе.

«Ничего, подумаешь. Не мы первые, такие», — засыпая, решила Татьяна, уютно устраиваясь на плече своего любимого брата.